

НИКОЛАС Л. СИРЕТТ

БОРЬБА ЗА ЖЕНСКОЕ ТЕЛО

ЖЕНЩИНА-ВРАЧ НА ГРАНИ
ЗАКОНА И СОВЕСТИ

Колibri

Москва

УДК 173.4+929+94(73)
ББК 63.3(7Coe)53
С40

Nicholas L. Syrett
THE TRIALS OF MADAME RESTELL
Nineteenth-Century America's Most Infamous Female Physician
and the Campaign to Make Abortion a Crime

Перевод с английского Анастасии Николаевой

Сиретт Николас Л.

С40 Борьба за женское тело : Женщина-врач на грани закона и совести / Николас Л. Сиретт ; [пер. с англ. А. И. Николаевой]. — М. : КоЛибри, Издательство АЗБУКА, 2026. — 400 с. : ил.

ISBN 978-5-389-27480-8

Прокуроры и судьи, медики и журналисты, простые граждане и члены парламента: казалось, вся Америка ополчилась против знаменитой мадам Рестелл, которая четыре десятилетия открыто оказывала услуги по контрацепции и прерыванию беременности в Викторианскую эпоху, когда все, что касается женского тела, усердно замалчивалось. Ее дело стало первым шагом длительной кампании по криминализации аборт на территории Штатов: многие десятилетия до этого процедура была совершенно легальной. Эта книга не только занимательная биография скандальной героини газетных статей, дебатов законодателей и судебных репортажей, но и хроника борьбы за репродуктивные права и колоссальной моральной паники, охватившей Запад.

«Для некоторых жителей Нью-Йорка мадам Рестелл олицетворяла пороки растущих городов и в целом новой сексуальной и моральной культуры Соединенных Штатов. Рестелл называла себя женщиной-врачом, но не получила медицинское образование; все большее число образованных специалистов хотели, чтобы она ушла из профессии. Она преуспела в своей работе в эпоху, когда считалось, что только мужчины могли вести дела. Вдобавок ко всему она получала большую прибыль и не боялась ею хвастаться.

У нее не умерла ни одна клиентка, чем не могли похвалиться многие врачи — женщины или мужчины. И, несмотря на возгласы толпы, осуждавшей ее деятельность, ручей клиентов, превратившийся в реку, тихо и неуклонно стекался к дверям акушерки. Голоса, выступавшие против нее, отличались громкостью и многочисленностью, но в ее защиту выступали единицы. Поэтому она взяла все в свои руки» (Николас Л. Сиретт).

УДК 173.4+929+94(73)
ББК 63.3(7Coe)53

ISBN 978-5-389-27480-8

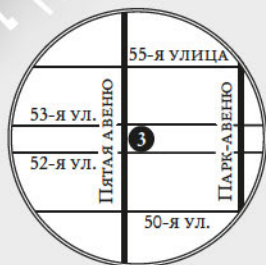
© Nicholas L. Syrett, 2023
© Николаева А. И., перевод на русский язык, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
КоЛибри®

*Анджеле и Тиму, Алексу и Заку и всем,
кто работает над тем, чтобы аборты
оставались законными и доступными*

НЬЮ-ЙОРК МАДАМ РЕСТЕЛЛ

- ❶ Первый дом и кабинет мадам Рестелл на Гринвич-стрит, 148
- ❷ Второй дом и кабинет мадам Рестелл на Чеймберс-стрит, 162
- ❸ Третий дом и кабинет мадам Рестелл на Пятой авеню, 657
- ❹ Дом и кабинет миссис Бёрд на Оливер-стрит, 18
- ❺ Дом и кабинет мадам Костелло на Лиспенард-стрит, 34
- ❻ Дом Марии Пёрди на Брум-стрит, 341
- ❼ Тюрьма «Гровницы» на Сентр-стрит, 101

Введение

Газета The New York Express рассказала историю так: в середине марта 1855 года 43-летняя английская иммигрантка по имени Энн Трой Ломан, жительница Нижнего Манхэттена, отправилась по делам. Ломан собрала много постельного и нижнего белья, которое требовалось починить. Она взяла карету или, возможно, омнибус и поехала по Бродвею в главное управление профсоюза работников швейной промышленности, расположенное по адресу Астор-Плейс, 1, примерно в 2,5 км к северу от огромного дома Ломан на Чеймберс-стрит, 162 [1].

Позже на той же неделе, когда девушка-курьер из профсоюза работников швейной промышленности доставила часть заказа клиентке, то удивилась, увидев на двери табличку «Мадам Рестелл». Белье принесла другая женщина. Девушка знала это имя, поскольку оно пользовалось дурной славой по всему Нью-Йорку и большей части Соединенных Штатов. Мадам Рестелл была не обычным заказчиком, а «женщиной-врачом, проводящим аборт», «специалистом по умерщвлению младенцев», «детоубийцей», «мерзкой тварью, которая сколотила состояние на бедах других женщин и заботилась об их душевном и физическом состоянии не больше, чем мясник — о жизнях животных, которых должен заколоть».

Или по крайней мере так газетчики описывали Ломан. В 1855 году в Нью-Йорке редкий житель не слышал о мадам Рестелл, которая с 1839-го публиковала объявления о своих услугах в местных газетах и других изданиях. К 1855 году власти неоднократно ее арестовывали и дважды Ломан, и она уже провела год в заключении на острове Блэквелл (сейчас известном как Рузвельт). Вслед за судебными процессами владельцы газет наспех выпустили стенограммы и продавали их на улицах города. В Нью-Йорке до начала Гражданской войны само ее имя символизировало аборты, даже когда акушерка не давала рекламу; к тому времени «Рестеллизм» стал синонимом прерывания беременности [2].

Девушка-курьер примчалась обратно в центр города и доложила начальнику, чьи именно вещи чинил профсоюз рабочих швейной промышленности. После обсуждения совет управляющих «упаковал постельное белье и незамедлительно вернул его мадам Рестелл» вместе с запиской, в которой объяснил, что, «несмотря на потребность в заказах, профсоюз не нуждался в клиентах с такой репутацией». Вряд ли с работницами профсоюза, то есть самими швеями, кто-то советовался, прежде чем отказать Ломан в услуге. Дамы, входившие в совет управляющих, гордились статусом добропорядочных членов общества. Это было одной из причин, по которой состоятельные горожанки сами вошли в совет благотворительной организации. Они имели право отказаться от хорошего заработка во имя добродетели, чего не могли себе позволить женщины, которые изо дня в день чинили и шили одежду как для обычных жителей Нью-Йорка, так и для швейных предприятий, получавших прибыль от их деятельности [3].

По сути, профсоюз представлял собой кооператив, в котором постоянно состояло от семидесяти до ста швей, работавших, согласно *The New York Times*, в «просторном и оснащенном производственном зале». Совет управляющих, состоявший из женщин, возглавлял организацию, созданную

для обеспечения занятости «нуждающихся швей города», «многие из которых тщетно пытались прожить на жалкие два доллара в неделю». Клиенты приносили в профсоюз постельное белье на починки, и работницы могли рассчитывать на достойную заработную плату. В отрасли, где женщины постоянно искали работу и переходили с потогонных предприятий на фабрики в попытке продать свои услуги, профсоюз обеспечивал стабильную занятость [4].

На следующей неделе в пятницу 16 марта газета *The New York Express* опубликовала короткую статью, в которой описала весь этот случай, под заголовком «Мадам Рестелл отказали в услуге» (*Madame Restell Repudiated*). По сравнению с вниманием, которое женщина уже получила от изданий Нью-Йорка, заметка на 13 строк не играла роли. Но сам факт печати указывал на значимость события в глазах редакторов. Газета *The New York Tribune* разделяла мнение коллег и перепечатала статью в тот же день, как и другие издания в северной части штата. Через два дня в *The New York Atlas* появилась заметка, в которой редактор написал, что это «дурной тон — маленькая благотворительная организация отвергает искреннюю помощь мадам Рестелл» [5].

Также *Atlas* перепечатал ответ женщины на изначальную новость, которую акушерка назвала «насквозь лживой». Она пояснила, что не указывала никакого «вымышленного имени» и «заказ, данный им [профсоюзу], предназначался человеку с указанным именем», то есть Энн Ломан, кем она и была по документам. Далее она объяснила, что на прошлой неделе никто не сделал ни одного крупного заказа, скорее, «швей профсоюза работали на нее полгода и занимались ее последним заказом по меньшей мере шесть недель». Мадам Рестелл утверждала, что никто не присылал ей записку с отказом в предоставлении услуги и на Чеймберс-стрит, 162 нет таблички с ее именем: «Нет и никогда не было имени мадам Рестелл ни на двери, ни где бы то ни было еще в особняке». Она поведала историю со своей

стороны: Ломан «уже давно пользовалась услугами профсоюза рабочих швейной промышленности, оказывая таким образом поддержку и протягивая руку помощи». Ломан разъяснила, что на этот раз она сделала заказ по просьбе «дамы из деревни», «полагая, что разве что обеспечила занятость, то есть не причинила вопиющего вреда, а помогла единственно верным способом, а именно: предоставив работу» [6].

Изображение мадам Рестелл работы художника Фредерика К. Страйна датируется 1847 годом, за восемь лет до случая с профсоюзом работников швейной промышленности, и в определенной степени проникнуто сочувствием к ней. Взято из публикации «Удивительный судебный процесс над мадам Рестелл» (Wonderful Trial of Madame Restell) от 16 ноября 1847 года

Совет управляющих профсоюза работников швейной промышленности обнаружил случай в прессе, пусть и не совсем в той форме, о которой писала газета, поэтому Рестелл выступила с резкой критикой в адрес как организации, так и Express. Рестелл задала риторический вопрос: «Преступление ли помогать нуждающимся, которые громко зывают о помощи?» Она осудила «женщин, которые пожинают плоды тяжелого труда бедных девушек-швей, работающих на них», обвинив начальство в том, что оно наживается на нанятых сотрудниках. Она раскритиковала управляющих за раскрытие своего имени: «Им невыносимо скрывать свои убеждения и свою величайшую добродетель в тени. Им требуется разглашать и то и другое на базарных площадях и дорогах. Им необходимо *объявлять* о чрезмерной праведности в газетах». Рестелл обвинила профсоюз в использовании ее имени для продвижения и заявила, что любая статья о ней послужила рекламой «их бельевого предприятия». Ближе к концу обличительной речи Энн Ломан высказала ряд предложений: возможно, организации не помешало бы «уведомить общественность» с помощью плаката или таблички, «что всем людям, приносящим сорочки на починку, следует прилагать рекомендации из последнего ателье, где их обслуживали». И «что всякий, кто обращается за пошивом или починкой белья, должен был посещать церковь не менее шести лет» или рассказывать всем о «нравственных сорочках, сшитых здесь». На этих словах она закончила письмо [7].

Этот случай ничем не выделялся среди прочих. Пресса постоянно писала о Ломан и освещала как важные новости, так и непримечательные события. Всего через год газета The New York Police Gazette опубликовала статью о том, что мадам Рестелл и ее муж ни с кем не дружили: «Когда они проезжали по Бродвею, толпа сторонилась их, как пары прокаженных. Они так же одиноки в городе с населением в три четверти миллиона человек, как если бы жили в самом пустынном уголке на земле». В Уилинге, штат Западная

Вирджиния, и Милуоки, штат Висконсин, газеты перепечатали новость, что стало свидетельством национальной известности Рестелл [8]. Хотя она вряд ли могла отвечать на каждый выпад, Рестелл часто брала на себя смелость написать в газеты и все прояснить. Она не боялась публично отстаивать право защищать репутацию и вести дела в Нью-Йорке. Одни только эти убеждения будоражили умы многих людей.

Для некоторых жителей Нью-Йорка мадам Рестелл олицетворяла пороки растущих городов и в целом новой сексуальной и моральной культуры Соединенных Штатов. Ломан обвиняли во многом: прерывая беременность одиноких женщин *или* принимая роды, она способствовала безнравственности, потому что помогала незамужним девушкам — и соблазнителям — скрыть плоды их грехов. Когда акушерка тайно находила новые дома для незаконнорожденных детей, то позволяла избежать позора, который по праву должны были нести распутники и блудницы. Рестелл прерывала беременность белых замужних дам из среднего класса в тот период, когда новоприбывшие иммигранты заводили большие семьи, что, как опасались некоторые шовинисты, означало конец американской цивилизации, какой они ее знали. Рестелл называла себя «женщиной-врачом», но не получила медицинское образование; все большее число образованных специалистов хотели, чтобы она ушла из профессии. Она преуспела в своей работе в эпоху, когда считалось, что только мужчины могли вести дела. У Рестелл был муж, но его профессия полностью затмевалась ее славой, что переворачивало представления о гендерных ролях в браке. Вдобавок ко всему, она получала большую прибыль и не боялась ей хвастаться. Она одевалась в красивую одежду, разъезжала по городу в карете, запряженной лошадьми одинаковой масти, и жила в большом доме — действительно, вскоре она переехала в огромный особняк на Пятой авеню, который ее недоброжелатели позже назвали дворцом смерти.

Все это правда.

Также верно и то, что она не добилась бы такого успеха без навыков и спроса на ее услуги. У нее не умерла ни одна клиентка, чем не могли похвастаться многие врачи — женщины или мужчины. И, несмотря на возгласы толпы, осуждавшей ее деятельность, ручей клиентов, превратившийся в реку, тихо и неуклонно стекался к дверям акушерки. Голоса, выступавшие против нее, отличались громкостью и многочисленностью, но в ее защиту выступали единицы. Поэтому она взяла все в свои руки.

Мадам Рестелл, псевдоним Энн Троу Саммерс Ломан, работала в Нью-Йорке с 1839 по 1878 год. Она руководила так называемым родильным домом, в котором женщины жили во время беременности и производили на свет детей. Рестелл продавала лекарства для предотвращения зачатия, а также препараты на растительной основе, вызывающие месячные. Также она прерывала беременность, либо вручную вызывая выкидыш, либо назначая специальное средство — травяной отвар, предназначенный для стимуляции родовой деятельности. Рестелл прославилась именно благодаря абортам, хотя люди порой возражали против большинства ее услуг. Недоброжелатели называли ее подпольной акушеркой, она использовала понятие «женщина-врач», потому что занималась не только прерыванием беременности. Она заботилась обо всех репродуктивных потребностях пациенток. Она помогала им, как поступали повитухи на протяжении веков.

Рестелл обладала необходимыми навыками, удачей, и, как это ни парадоксально, ей ужасно повезло открыть собственное дело в период, когда в жизни, отношениях и работе американцев происходили грандиозные перемены. В середине XIX века все больше людей переезжало в город. Они трудились и получали зарплату на свободном рынке, укрепляли финансовое положение и заводили меньше детей. В результате преобразований изменились представления граждан о сексе, гендерных ролях и детях, что оказало большое влияние на отношение к абортam. Некоторые американцы, в основном

женщины, сочли аборт вновь необходимым, в то время как крикливое меньшинство, по большей части мужчины, осудило его, посчитав детоубийством. Не сохранилось точных сведений, но нет сомнений в том, что в этот период число тех, кто решил прервать беременность, иногда неоднократно, резко возросло. Множество одиноких и замужних женщин начали управлять репродуктивной жизнью с помощью средств, которыми предыдущие поколения пользовались гораздо реже. Для этих целей подходили не только аборты — контрацепция, воздержание, длительная лактация и позднее вступление в первый брак, а также распространение секса за деньги как возможное решение для мужчин сыграли свою роль в снижении рождаемости, но среди всех причин больше всего споров вызывало прерывание беременности.

Когда в 1839 году Рестелл начала предоставлять услуги, аборты на ранних сроках считали противозаконным деянием всего как десять лет, власти редко наказывали за них и рассматривали их как мелкое правонарушение. В прежние века эта область по большей части не регулировалась, и дошли свидетельства о том, что женщины индейского, африканского и европейского происхождения знали о лекарственных растениях, произрастающих в Северной Америке, которые вызывали выкидыш. На протяжении карьеры Рестелл некогда ничем не примечательная процедура становилась все более противозаконной по всей стране. К 1872 году в штате Нью-Йорк аборт на любой стадии считался уголовным преступлением, и власти предъявляли обвинение как врачу, так и женщине, обратившейся за процедурой, хотя им грозили разные наказания. Едва ли не каждый, кто помогал сделать аборт — с помощью медикаментозного или хирургического вмешательства, — также подлежал судебному преследованию. Такие законы появились под влиянием врачей-мужчин, чтобы такие люди, как мадам Рестелл, бросили свое дело, а женщины — по крайней мере, по мнению инициаторов — оказались в безопасности. И все же пациентки продолжали

приходить не только в кабинет Энн Ломан, но и к бесчисленному множеству ее коллег.

Сама мадам Рестелл была *sui generis*¹. В те годы ни одну другую женщину-врача люди так не очерняли. Ни одна другая не заработала столько денег. Она стала живым символом всех современниц, которые тоже продолжали нарушать закон, призванный наказывать таких, как они, чтобы регулировать репродуктивную независимость женщин. Никто не давал такой отпор, как она. В эпоху, когда диалог об абортах и контрацепции был в подавляющем большинстве случаев односторонним, полным женоненавистничества, осуждающим женщин за попытки самостоятельно распоряжаться своим телом, зачастую только Рестелл публично выступала от имени представительниц своего пола. Конечно, она была меркантильной — эту черту характера редко осуждали в мужчинах — и порой использовала расплывчатые и абстрактные формулировки, защищая свою деятельность, но иначе она признавалась бы в нарушении закона, чего нельзя было допустить, если она хотела и дальше работать.

Хотя сама Рестелл была единственной в своем роде, про предоставляемые ею услуги этого сказать было нельзя. Женщины-врачи существовали на протяжении всего XIX века, и не только в Нью-Йорке, но и по всей растущей стране. И хотя законодатели часто высказывались именно против Рестелл, те практики — аборт и средства контрацепции, что фигурировали в принятых ими нормативных актах, — применялись и продавались тысячами специалистов по всей территории США и пользовались спросом среди бесчисленного количества клиенток. Жизнь мадам Рестелл позволила взглянуть на многолетний процесс: законодатели, подталкиваемые врачами и так называемыми борцами с пороком, медленно, но верно ограничивали право американок распоряжаться

¹ Единственной в своем роде (*лат.*). — Здесь и далее, если не указано иное, *прим. пер.*

своим телом и объявили противозаконным деянием не только прерывание беременности, но и любые попытки предотвратить ее с помощью контрацепции. Также сквозь судьбу Рестелл можно словно через призму видеть, как общество неуклонно теряло уважение к представлениям женщин о собственном теле, поскольку врачи-мужчины медленно, но верно узурпировали сферу, которая когда-то принадлежала повитухам и самим женщинам. Наконец, гибель мадам Рестелл стала лишь одним из, пусть и самым известным, примеров жертвы, принесенной в XIX веке в стремлении очистить американскую культуру от блуда и ограничить репродуктивную свободу американских женщин.

Случай 1855 года с профсоюзом работников швейной промышленности, пусть и отличное свидетельство как дурной славы акушерки, так и ее характера и внутреннего стержня, стал самым незначительным препятствием на пути мадам Рестелл к господству на нелегальном рынке репродуктивных услуг Нью-Йорка. В последующие годы ее слава и богатство только росли, и она не раз еще обхитрит врачей, законодателей, полицейских и борцов с пороком, которые видели в ней угрозу нравственности не только для жителей города, но и всех граждан Соединенных Штатов. Пока, наконец, у нее не закончатся силы. И тогда женщина-врач покинула эту жизнь таким же возмутительным и необычным образом, какой была и ее деятельность. Книга расскажет о судьбе мадам Рестелл.

Энн Троу Саммерс Ломан

Сначала появилось маленькое и неприметное объявление. В конце марта 1839 года его опубликовала газета The New York Sun. Впервые Энн Троу Саммерс Ломан перевоплотилась в мадам Рестелл, хотя в тексте она выбрала более скромное имя «миссис Рестелл». Она обратилась к замужним читательницам с вопросом: «Разве не всем известно, что семьи замужних женщин часто увеличиваются настолько, что препятствуют счастью матерей?» Затем она описала случаи, в которых мать могла захотеть ограничить период деторождения. «Хотят ли, считают ли правильным родители увеличивать семьи, независимо от последствий для них самих или благополучия их отпрысков, когда в наших руках простое, доступное, полезное и верное средство?» Очевидно, Рестелл это правильным не считала. Далее она сообщала, что на Гринвич-стрит, 160, недалеко от Кортландт-стрит, открыла кабинет, «где замужние женщины могли получить нужные сведения». Он работал с десяти утра до девяти вечера [1].

Мадам Рестелл официально открыла свое дело.

Поначалу она расплывчато писала о том, что именно продавала. Только информацию? Лекарства? Медицинские услуги? Со временем выяснилось, что она предлагала то же, что и повитухи на протяжении веков. Она продавала

средства для восстановления менструального цикла, на который влиял целый ряд причин, в том числе недостаток веса, гормональный сбой или стресс. Она принимала роды. Она прерывала беременность либо с помощью лекарств (абортивных средств), либо с помощью физического вмешательства (вызывала выкидыши). Иногда она продавала контрацептивы. В Соединенных Штатах и их ранних колониях большинство подобных практик не вызывало вопросов и даже не регулировалось. Но времена менялись. Мадам Рестелл жила и работала в крупнейшем в стране городе, когда все больше американцев, в том числе таких же иммигрантов, как она сама, покидали сельскую местность. Она занималась своим делом, продавала товары и услуги во времена, когда экономика развивалась и росло число американцев, особенно в городах, которые покупали все необходимое, а не производили самостоятельно. Все новые условия работали ей на пользу. Вопросы вызывали сами товары и услуги — и то, что они открыто продавались прямо из дома. Предпринимательница не полагалась на местные сети родственников, соседей и друзей, через которые акушерки обычно находили покупателей. Мадам Рестелл объединила традиционную женскую роль — повитухи — с городской рыночной экономикой именно в тот момент, когда гендерные роли и традиционные брачные и сексуальные нормы также претерпевали серьезные изменения, особенно в таких крупных городах. Мадам Рестелл объявила о своем появлении, но был ли готов к нему Нью-Йорк?

* * *

В происхождении мадам Рестелл ничего не намекало на то, что она прославится как скандальная акушерка в Нью-Йорке, расположенном почти в 5000 км и по другую сторону океана от места ее рождения. Энн Трой, как ее называли отец и мать, родилась в деревне Пейнсвик в графстве Глостершир,

в западной части Англии, недалеко от границы с Уэльсом. Девочка появилась на свет 5 мая 1811 года в поселении, где проживало менее пяти тысяч человек, а вся жизнь зависела от торговли тканями — ее делали возможной многочисленные реки, протекавшие через Пейнсвик, и фабрики, приводившие в действие станки, которые превращали шерсть в ткань. Родителями Энн были Джон Трой и его жена Анна Биддл Трой. Девочку крестили в Англиканской церкви через месяц после рождения, 9 июня 1811 года. Когда появилась Энн, ее родители состояли в браке почти десять лет, и в различных документах отец значился как «рабочий», вероятно, на одной из ткацких фабрик или, возможно, в сельском хозяйстве. В 1802 году оба родителя поставили крестик в книге регистрации брака, что означало, что они, скорее всего, не умели читать и писать [2].

Энн стала четвертым ребенком в семье, у нее было три старших брата. Затем Анна Биддл Трой родила еще пятерых детей: четырех сыновей и дочь. Всех крестили в Англиканской церкви в местном приходе Страуд. Разница в возрасте братьев и сестры Энн указывала на то, что некоторые из детей, вероятно, умерли вскоре после рождения и не были крещены. Семья Трой из одиннадцати человек жила в Пейнсвике в доме под названием Комб-хаус [3].

Как и многие женщины в эту эпоху, в следующий раз Энн Трой появилась в исторических документах, когда нашла супруга. 26 марта 1829 года в деревне Вуттон-Бассетт, расположенной почти в 50 км к юго-востоку от Пейнсвика, в графстве Уилтшир, Энн Трой вышла замуж за 26-летнего Генри Саммерса. Неизвестно, как они познакомились, но очевидно, что мужчина, который в некоторых документах значился как «портной», родился и вырос в этом поселении. Девушка вышла замуж в 17 лет. В то время в среднем женщины вступали в брак немного позже, но и в таком раннем браке ничего необычного не было. Имена Энн и Генри оглашали в церкви три воскресенья подряд перед свадьбой.

Молодая жена родила только через одиннадцать месяцев, так что не похоже, что беременность привела их к алтарю, но ее нельзя исключать: возможно, ранее случился выкидыш [4].

После свадьбы молодожены остались в Вуттон-Бассетте. В следующем году родилась их дочь Кэролайн Саммерс, и ее крестили 21 февраля 1830 года. Она осталась единственным ребенком. Следующий шаг в их совместной жизни был чрезвычайно важным, при этом о нем сохранилось меньше всего документов: они эмигрировали из Англии в Соединенные Штаты. Точно неизвестно, когда они отправились в путь и на каком корабле отплыли; в конце XIX века многие из этих ранних записей сгорели в пожаре. Нет никаких сомнений в том, что семейство прибыло в Нью-Йорк в конце лета 1831 года, когда впервые появилось в местных архивах. Где-то за полтора года до этого они приняли решение оставить позади жизнь в Англии в надежде начать все заново в новой стране. В XIX веке иммиграция в Соединенные Штаты претерпела значительные изменения. Например, в 1830 году в страну приехало чуть более 23 000 человек. В течение 1830-х число достигло почти 600 000. Это не идет ни в какое сравнение с миллионами прибывших в 1880-х. В начале века большинство приезжих были выходцами из Ирландии, Германии, Англии и Франции. Английские переселенцы, такие как Саммерсы, были, по сути, экономическими мигрантами. Они уехали не из-за религиозных преследований, которые вынудили первых англичан переселиться в колониальную Новую Англию, а потому что, как и многие современные иммигранты, верили, что в Соединенных Штатах их ждала лучшая жизнь [5].

Вероятно, Энн, Генри и их маленькая дочь Кэролайн отправились в путешествие из порта Ливерпуля, откуда отплывало большинство английских эмигрантов. Стоимость билетов на суда — особенно на пакетботы, которые перевозили как почту, так и людей, — была довольно низкой

в течение 1820-х и 1830-х годов, что означало, что даже бедняки, которых привлекали экономические возможности в Соединенных Штатах, могли позволить себе купить билет, чтобы доплыть туда. Хотя в стоимость входило питание, пассажиры готовили сами. Также они брали с собой постельное белье. Если они плыли в самом дешевом третьем классе, как поступало большинство из них, то ютились в тесноте с другими пассажирами. Санитарные условия часто были плачевными, поэтому на кораблях царили грязь и вонь; крысы и насекомые никого не удивляли. Единственный вход в отсек третьего класса на грузовом судне был через отверстие в палубе, что означало, что помещения почти не проветривались. В 1830 году, когда Саммерсы, вероятно, направлялись из Англии в Нью-Йорк, плавание занимало более двух недель. Многие пассажиры находили путешествие скучным, в то время как другие страдали от морской болезни и считали иначе. Третьи заболели холерой или тифом и умирали. Энн и Генри Саммерсы отправились в плавание вместе с Кэролайн, и уход за маленьким ребенком делал путешествие еще более тяжелым. Должно быть, семейная пара испытала огромное облегчение, когда прибыла в Нью-Йоркскую бухту [6].

Задолго до открытия пунктов приема иммигрантов в Касл-Гардене (в 1855 году) и на острове Эллис (в 1892-м) новопривывшие высаживались в Нижнем Манхэттене либо на восточной стороне, там, где сейчас находится Саут-Стрит-Сипорт, либо на западной — через реку Гудзон. Иногда капитаны причаливали к берегам Лонг-Айленда или Нью-Джерси и отправляли небольшие лодки с пассажирами в Манхэттен. В соответствии с законом штата Нью-Йорк о пассажирах 1824 года, капитан каждого судна, прибывающего в город, должен был предоставить список пассажиров, в котором указывались имена, возраст, предыдущее место жительства и род занятий. Затем грузоперевозчики должны были согласиться нести финансовую ответственность за

Научно-популярное издание
Танымал ғылыми басылым

Сиретт Николас Л.

БОРЬБА ЗА ЖЕНСКОЕ ТЕЛО

Женщина-врач
на грани закона и совести

Руководитель редакции *М. Терехова*
Ответственный редактор *М. Бушуева*
Выпускающий редактор *Е. Солодовникова*
Редактор *А. Каршакевич*
Художественный редактор *О. Жукова*
Технический редактор *Л. Синицына*
Корректоры *Н. Быкова, Е. Шумская*
Компьютерная верстка *В. Демин*

В оформлении обложки использованы иллюстрации
Shutterstock.com: © Viktoriia_23, © Haniadesigner 88

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 26.12.2025.
Формат 60×88 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура «OriginalGaramond BT».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 24,5.

Тираж 2000 экз. М-ФЕМ-36488-01-Р. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательство АЗБУКА» – обладатель товарного знака КоЛибри 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ – КоЛибри тауар белгісінің иесі 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 Эл. поштасы: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru	Санкт-Петербург қаласындағы «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 Эл. поштасы: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ
о техническом регулировании можно получить по адресу:
<https://certification.atticus-group.ru/>.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции (Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

